

УДК 94(57)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ ИНВАЛИДНОГО ДОМА В 20-Х ГГ. XX В.**

(по материалам сибирских архивов)

А. С. Ковалев

EVERYDAY LIFE OF THE DISABLED IN RESTHOUSES IN THE 1920s.

(as revealed in the Siberian archives)

A. S. Kovalev

В статье на основе авторской методики анализируется содержание повседневной жизни нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома, определяется эффективность государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей в 1920-х гг. Использование ранее не публиковавшихся архивных материалов позволило изучить проблемы организации питания в инвалидных домах, развитие автономии и самостоятельности нетрудоспособного населения, вопросы религиозной свободы. Автор делает вывод о низком уровне повседневной жизни в инвалидных домах, поскольку она являлась прямым отражением идеологии и социальной политики советского государства, которое фактически отказало инвалидам и пожилым людям в праве на самостоятельность.

The article uses the author's methods for analysing the daily life of the disabled in resthouses for the disabled. The efficiency of the state social policy for the disabled and the elderly in the 1920-s is analyzed. The use of previously unpublished archives allowed studying the problems of organizing meals in resthouses for the disabled, the issues of their autonomy and independence, and some of problems in the conscience freedom field. The author makes a conclusion about the low level of everyday life in resthouses for the disabled. The main reason was the impact of Soviet ideology and social policy. They debarred the disabled's and the elderly's rights for independence.

Ключевые слова: инвалиды, инвалидный дом, повседневная жизнь, пожилые люди, самостоятельность, социальная активность, социальное обеспечение.

Keywords: the disabled, resthouses, everyday life, the elderly, autonomy, social activity, social welfare.

Сегодня перед Россией стоит важнейшая задача – превращение в подлинно социальное государство. Одним из показателей «социальности» является создание эффективной системы предоставления социальных услуг нетрудоспособным гражданам – инвалидам и пожилым людям. Вместе с тем, если в западных странах наблюдается отказ от изоляции нетрудоспособных граждан в учреждениях социального обслуживания, то в России стационарное социальное обслуживание по-прежнему остается приоритетным направлением государственной социальной политики. Во многом это обусловлено историческими особенностями системы социальной защиты населения, которая сложилась в условиях социалистического выбора. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать эффективность практики социальной помощи в инвалидных домах Сибири в 20-х гг. XX в., поскольку в этот период на смену стихийной благотворительности впервые приходит организованная социальная политика. При этом изучение особенностей функционирования инвалидных домов осуществляется сквозь призму повседневной жизни проживающих в них инвалидов и пожилых людей.

Важность исследования повседневной жизни нетрудоспособного населения в инвалидных домах в 1920-х гг. заключается в том, что оно позволяет раскрыть социальные проблемы, с которыми сталкивались инвалиды и старики, изолированные в специальных учреждениях. Кроме того, исследование призвано способствовать пониманию сущности советской модели социального обеспечения в 1920 – 1930-х гг., а также для более глубокого представления о соци-

альной политике большевистского государства в целом.

Научная новизна представленных в статье материалов определяется тем, что на сегодняшний день в исторической науке нет ни одного исследования, посвященного проблемам функционирования инвалидных домов (тем более изучения повседневного опыта их обитателей). Существует ряд исследований, где в той или иной степени рассматриваются исследования государственной социальной политики в РСФСР [19; 22]. Например, Ш. Фицпатрик говорит о ведущей роли государства при проведении социальной политики [27, с. 9]. Также можно выделить публикации, посвященные проблемам социального обеспечения и социального страхования [18, с. 120 – 122; 24; 25, 26]. Например, О. В. Капустина [18] говорит о том, что пенсии были основным источником средств к существованию для пожилых и инвалидов. Но прочие направления социального обеспечения, в том числе помещение нетрудоспособных в инвалидные дома, не рассматриваются. К третьей группе исследований можно отнести работы, посвященные проблемам социальной практики в отношении инвалидов и престарелых. В трудах Д. С. Кошкина, Н. П. Крюкова, Г. А. Хорохориной [17; 21; 29] освещаются вопросы социальной и медицинской помощи пожилым людям, профессиональной реабилитации инвалидов войны и труда. Однако инвалидным домам и судьбам тех, кто нашел в них приют, авторы также внимания практически не уделяют.

Что же касается исследований по истории советской повседневности, то здесь проблемы инвалидов и

пожилых людей и способов их реализации средствами государственной социальной политики также не нашли отражения. Та же Ш. Фицпатрик посвящает целый раздел «униженным и оскорбленным», но среди них нетрудоспособное население, изолированное в инвалидных домах, не упоминается [27, с. 141 – 168]. Й. Хелльбек, изучающий «советскую субъективность», не рассматривает особенности самосознания советского инвалида, закрытого в четырех стенах убежища социального обеспечения [28]. Только Н. Б. Лебина справедливо упоминает о том, что «бытовые практики многих пожилых... в конце 30-х гг. оставались связанными с религией» [23, с. 123].

Исходя из актуальности и степени изученности вопроса была поставлена основная цель исследования – проанализировать содержание повседневной жизни нетрудоспособных граждан в инвалидном доме и оценить эффективность государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей в 1920-х гг.

Автором статьи разработана и в настоящее время апробируется методика исторического анализа условий проживания в учреждениях социального обслуживания [20, с. 73 – 83], где повседневная жизнь инвалидов и пожилых людей рассматривается в следующих аспектах:

1. Организация питания (достаточное количество приемов пищи (3 – 4 раза в день); разнообразие, полноценность, питательность и аппетитность пищи; соответствие питания индивидуальным потребностям и состоянию здоровья; частота обновления меню с правом выбора блюд, наличие горячих блюд).

2. Автономия и самостоятельность (комфортный для проживающих распорядок повседневной жизни и деятельности в учреждении; свобода выбора способов социальной активности, отдыха и удовлетворения культурных запросов; комфортность во взаимоотношениях проживающих в учреждении между собой; отсутствие вмешательства в сексуальную жизнь и интимные отношения проживающих в учреждении; возможность отправления религиозных обрядов).

3. Наличие контактов с внешним миром (наличие контактов с семьей, друзьями, представителями местного сообщества; возможность свободно принимать посетителей; возможность участия родственников, друзей и членов местного сообщества в жизни проживающего).

Основное внимание сосредоточено на вопросах ежедневного проживания нетрудоспособных граждан в инвалидном доме в 20-х гг. XX в. Документальную базу исследования составили ранее не вводимые в научный оборот материалы Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Томской области. В качестве основных источников были использованы акты обследования инвалидных домов, жалобы инвалидов и пожилых людей в органы социального обеспечения, отзывы об организации обслуживания.

В заявленный исторический период инвалиды и пожилые люди организаторами социальной помощи были отнесены к единой группе «нетрудоспособных». Для тех, кто мог трудиться, были организованы про-

изводственные мастерские и артели, они получали небольшое пособие. Тех же, кто по причине своего физического состояния не мог быть полноценным работником, государство помещало в инвалидные дома.

Самой острой для инвалидов домов в этот период была проблема организации питания. Результаты регулярных обследований, проводимых Енисейским губернским отделом социального обеспечения в 1921 – 1922 гг. показали, что в Красноярских инвалидных домах пища готовилась всего 1 раз в день (это был всего лишь суп без мяса из капусты, картофеля и моркови). В Инвалидном доме № 1 кормили только брюквой, в соседнем приюте проживающие получали суп из картофельных очистков. Заметно отличалось лишь питание в «Инвалидном доме по улице Советской», где помимо хлеба и супа призываемым выдавали немного мяса, варили кашу, делали «чай на три заварки» и даже раз в месяц выдавали кусочек масла.

С января 1923 г. месячная норма для проживающих в инвалидных домах была окончательно утверждена: муки – 1 ф., мяса – 7,5 ф., жиров – 1,5 ф., соли – 1,5 ф., крупы – 5 ф., овощей – 45 ф., 8 золотников чая. Первое же апрельское обследование инвалидов домов в Красноярске выявило, что нормы эти соблюдаются и даже перевыполняются [7, л. 46 – 47, 306]. Однако акт освидетельствования инвалидного дома в Иркутске показывал, что «питание среднее. Обед состоит из супа горохового с куском мяса и каша с постным маслом и полторы фунтов хлеба... был случай выдачи горького масла и рыбы с душиком... стол инвалидов несколько не лучше тюремного николаевского и колчаковского времени» [3, л. 41]. В Томский губсособес также регулярно поступали жалобы инвалидов, где инвалиды и вовсе не стеснялись в выражениях, сетуя на то, что «получают плохой обед, как помои», «кормят г...ном и завдомом забирает инвалидные куски» [9, л. 28, 80 об].

Серьезной проблемой при организации питания было то, что инвалиды ставились на продуктивное довольствие по разным нормам. В 20-х гг. в стране существовала идеологически обоснованная и закрепленная самим государством дифференциация инвалидов. Так, были привилегированные группы инвалидов войны и труда, которые, по мнению большевиков, заслуживали лучшего к себе отношения вследствие своего «пролетарского прошлого», и все остальные, «беспризорные» инвалиды, численность которых была гораздо больше, но в новом государстве они были бесправны.

Неравноправие в инвалидном доме выражалось в доступе к так называемому «котлу». «Беспризорные» постоянно жаловались, что «инвалидам войны и труда... мяса больше... отпускается... трудовики получают мяса, черного хлеба, сахару, гороху, крупы, соли полностью, а им пшеничный хлеб... выдавали за все время 2 – 3 раза... Чай дают суррогат». Сторонние наблюдатели в ходе регулярных обследований отмечали, что «...пища приготавливается для беспризорных по уменьшенной раскладке... беспризорные получают... меньше в половину». Да и сами инвалиды нередко возмущались, что «пища варится двумя поварами, одна варит для беспризорных, а другая – для инвалидов войны и труда» [3, л. 41, 42, 45, 89, 120].

Положение «беспризорных» инвалидов было настолько плачевным, что на 1925 г. перед собесами была поставлена задача «изыскать средства для увеличения питания беспризорным и доведения нормы питания им до нормы военного и трудового инвалида». О том, что эта задача была выполнена, свидетельствует доклад месткома инвалидного дома в Иркутске: «...прибавили 30 %... Масла... получают полфунта коровьего, полфунта растительного, чаю 12 зол., а также прибавлен пшеничный хлеб на четверть фунта, прибавлено овощей... взамен каши... получают... жареное мясо 1 раз в месяц...» [4, л. 32].

Кроме того, отдельным инвалидам с «ослабленным здоровьем» стало выдаваться так называемое «усиленное питание»: еще полфунта сахара или хлеба, сало, бутылка молока в день. Также в инвалидных домах стал практиковаться «праздничный рацион» (к 1 мая или 7 ноября) – каждому инвалиду выдавали в два раза больше белого хлеба, мяса, чая, бутылку молока, и «деликатес» – картофель [3, л. 4; 4, л. 61].

К концу 1925 г. ситуация с продовольственным обеспечением в инвалидных домах стабилизировалась, а в 1927 – 1928 гг. нормы питания в инвалидных домах были еще раз увеличены: появляется мясо двух видов, гречка, перловка, пшено, горох, картофель, капуста, приправы, вермишель. Молоко становится обязательным. Впрочем, недельное расписание не составлялось, меню придумывалось самой кухаркой из того, что ей выдавали на руки, и блюда были самыми простыми [2; 6, л. 13 – 13 об; 8, л. 100; 11, л. 81].

Акт обследования краевого дома инвалидов в г. Томске в сентябре 1929 г. засвидетельствовал, что «обед состоит из мясного супа с приправами: картофель, капуста, свекла и крупы и каши гречневой или просовой, вареной на воде». Инвалидам отпускалась полпорция супа «и по маленькому кусочку мяса приблизительно 50 – 55 гр. вместе с костями». Правда, порой поступали жалобы от инвалидов: «Бывают дни, что мяса совсем не дают и очень часто в картофельном пюре или каше нет никаких жиров, [был] случай [когда] мяса совсем не было, а только один суп картофельный» [11, л. 81; 14, л. 53].

Следующий блок для анализа повседневной жизни – это автономия и самостоятельность проживающих. Автономия в контексте настоящего исследования понимается автором как возможность человека максимально реализовывать свои личные права на выбор образа жизни, на независимость, возможность заниматься любой деятельностью в свою пользу, насколько позволяет это делать физическое и психическое здоровье. Однако следует принять во внимание тот факт, что вокруг человека в учреждении находятся другие люди, которые имеют равное с ним право на автономию и независимость, поэтому администрации учреждения следовало разработать такие правила внутреннего распорядка, чтобы они соблюдались всеми проживающими в учреждении, при этом не нарушая их независимости, самостоятельности и права на выбор.

Для примера можно привести правила внутреннего распорядка для инвалидных домов [10, л. 8 – 9], утвержденные Томским окрсобесом в 1926 г. Согласно правилам, каждому в инвалидном доме предоставля-

лось определенное место, «которое он не может менять самостоятельно». Призываемым надлежало «в полной мере сами себя обслуживать, кроме тех, которые нуждаются в постороннем уходе или больны по заключению врача, и... принимать участие в работах инвалидного дома». Призываемые были обязаны соблюдать чистоту в помещениях, опрятно содержать выданные им вещи, отвечая за их целостность и сохранность. Запрещалось ложиться на кровать в одежде и обуви, воспрещались «шум, пение и бесцельное хождение по палатам, карточная игра на деньги, употребление спиртных напитков и ругань» под страхом немедленного исключения из инвалидного дома. Не разрешались самовольные отлучки из инвалидного дома, но к обитателям дома посетители допускались ежедневно с разрешения заведующего инвалидным домом на «передачу подарков». Самим инвалидам приносить что-либо в инвалидный дом, как и выносить что-то из него, также запрещалось.

Очевидно, что при таких требованиях можно говорить только об ограниченной автономии. Тем любопытнее проследить, насколько повседневная жизнь инвалидов соответствовала предъявляемым к ним правилам. В своей докладной окружному собесу о состоянии краевого дома инвалидов Томский отдел общал: «В палатах обедают, в палатах на койке инвалид проводит все время дня и ночи за неимением помещения, где бы он мог провести время и чем-либо развлечься» [13, л. 42].

По любому поводу в инвалидном доме мог вспыхнуть конфликт. Например, в Барнауле «инвалидами Титаренко и Голиковым был оставлен на ночь в коридоре инвалид Коленов за то, что он не наколот дров, будучи занят починкой обуви». И подобный самосуд был не редкостью. В Томске причиной драк, которые регулярно устраивали инвалиды, несмотря на постоянные угрозы со стороны администрации об отчислении, был «антагонизм» между инвалидами – «трудовиками» и «беспризорными» из-за неравномерного распределения пищи. Сыграли свою роль и тяжелые условия проживания «беспризорных» инвалидов, которые действительно были лишены в инвалидном доме самых элементарных прав: отсутствие белья, одежды, пищи вынуждало стариков зарабатывать попрошайничеством [1, л. 25 об; 4, л. 33; 14, л. 56].

Крайне остро стоял вопрос с самообслуживанием инвалидов и привлечением последних к труду. Вот один показательный пример. В ноябре 1925 г. председатель Комитета дома инвалидов в г. Томске Богданов обратился в собес с заявлением, что «инвалиды, могущие двигаться без посторонней помощи и костылей, должны по мере сил своих производить хозяйственные работы и не отказываться... без уважительных причин». Однако один из инвалидов возразил, что «никто не вправе заставить его работать, и что он ни на какие работы не пойдет и исполнять их не будет, хотя бы даже и мог». Администрация инвалидного дома усмотрела в подобном отказе «саботаж и подрыв распоряжений», требуя примерно наказать отказников. Но представители Томского горсобеса эту идею не поддержали, а рекомендовали «больше действовать порядком убеждения инвалидов», и не заставлять

их работать, поскольку действительно никто был не вправе принудить инвалида к труду [9, л. 34 – 34 об]. Тем не менее, многие инвалиды, несмотря на возраст и состояние здоровья, действительно занимались некоторыми работами. Одни продавали лотерейные билеты, другие клеили капсулы для махорочных фабрик, слепые музыканты объединялись в артели и играли на летних эстрадах.

Что же касается самообслуживания, то обычно организация работ не выходила за рамки воскресников, на которые выходили все инвалиды, способные работать. Работы были самими простыми: уборка из коридора мусора, оставшегося после ремонта здания, сооружение выгребной ямы, очистка двора и крыш здания от снега, колка дров и т. п. Если среди инвалидов оставались работоспособные ремесленники, они отдавали свой труд на пользу всему инвалидному дому. Например, Томский краевой инвалидный дом был обеспечен кожаными изделиями, потому что всю работу по ремонту кожаной обуви выполнял старик-инвалид [3, л. 41 об-42; 9, л. 45 – 45 об; 15, л. 35].

Близко к проблеме автономии и права выбора находится вопрос о сексуальном поведении в инвалидном доме. С одной стороны, всяческие половые связи в учреждении были запрещены, с другой же стороны, независимо от состояния здоровья, возраста и степени нетрудоспособности для многих инвалидов половой вопрос оставался актуальным. В официальной переписке этот вопрос именовался не иначе как вопрос «ненормальности в инвалидном доме». В беседы нередко поступали сведения о том, что инвалид «держал в своей комнате проституток» или «часто ночью пристает к инвалидкам, нанося... грязные назойливые приставания к сожительству с ним». В другой раз возмущенный заведующий сообщал: «Был случай, когда инвалидку беременную пришлось отправить для родов в дом матери и ребенка, что... ложится пятном на дом инвалидов» и требовал принять к женщине и к остальным «развратникам» самые суровые меры [1, л. 35; 13, л. 42 об, 120 – 121].

Долгое время вышестоящие органы не обращали внимания на подобную информацию, полагая, что вмешиваться в личную жизнь они не должны, отписываясь и перелагая ответственность на месткомы, которые «плохо выполняют» свою работу. И только когда в Томске зимой 1929 г. комиссия Горсовета «вскрыла недопустимое поведение и взаимоотношение с инвалидами со стороны женского персонала... систематические половые связи вплоть до открытого соительства», органы Сибкрайсобеса забили тревогу. Вопросы сексуального характера вышли за пределы отношений между самими инвалидами: «Некоторые... заделались женами инвалидов... и наделяли их лучшей одеждой, обедом, вниманием» [14, л. 90]. После разбирательства всех участников ситуации немедленно изгнали из инвалидного дома, но «половая проблема» не исчезла. Несмотря на всяческие запреты и угрозы, инвалиды продолжали тайно встречаться.

Надо сказать, что при рассмотрении этого деликатного вопроса многие руководители собесов, полагали, что «половая распущенность» есть не что иное, как следствие неорганизованности свободного време-

ни. Поэтому далее имеет смысл остановиться на досуговой деятельности.

Большинство проживающих в учреждении не были людьми, особо склонными к занятию какой-либо творческой деятельностью, их понятие свободного времени ограничивалось повышенным вниманием к спиртным напиткам. Вот всего несколько примеров того, как «развлекались» обитатели инвалидного дома: «Инвалид Анисимов, как гармонист, зачастую приглашается играть на различные вечеринки, причем... возвращается часто в нетрезвом виде»; «Березнев... является в дом в пьяном виде, нянек ругает нериличной бранью, не соблюдает внутреннего распорядка»; «Рожнев неоднократно напивался... и от чего производил скандал, ругался и дрался с инвалидами» [9, л. 57; 11, л. 34 – 34 об; 16, л. 129].

Пьянство в инвалидных домах было названо органами социального обеспечения самым большим злом, искоренить которое надлежало при помощи культурно-просветительской работы. Правда, если в начале 20-х гг. тот же Енисейский губсобес настаивал, что «ввиду того, что инвалиды в большинстве случаев престарелого возраста, проведение культурно-просветительной работы считать нерациональным» [7, л. 22 об], то к середине десятилетия ситуация коренным образом поменялась: «Организовать Красный Уголок для ведения культурно-просветительной работы... пригласить постоянного политрука и просить... РКСМ о выделении представителя для ведения регулярной культурной работы среди инвалидов» [1, л. 42]. В связи с этим сразу появился другой вопрос – какой должна быть культурная работа, будет ли она интересна проживающим, особенно старикам, более склонных к обсуждению новостей, нежели к активному участию в каких-то постановках, и насколько эта работа будет соответствовать идеологическим рамкам.

Первые же обследования показали, что культурно-просветительская работа в различных инвалидных домах ведется с переменным успехом. Из красноярского приюта для инвалидов сообщали, что «культурная работа совершенно отсутствует за неимением работников и литературы». Из Барнаула доходили сведения, что инвалидным домом «получается лишь один экземпляр газеты “Власть Труда”. Больше никакой литературы нет». Зато в Иркутске был «организован Красный Уголок вблизи корпуса. Большая и светлая комната: тепло, светло и чисто, уютно, по стенам портреты вождей, на столах книги, журналы, газеты столичные, посещают в день от 3 до 5 призреваемых, 2 раза в неделю [проходят] школы политграмоты» [1, л. 45; 3, л. 45 об; 7, л. 21 об].

О том, как изменилась культурно-просветительская работа во второй половине 20-х гг., свидетельствует отчет клуба им. Семашко при доме инвалидов в г. Томске. Здесь всего за полгода были организованы две группы для ликвидации неграмотности, проходили громкие чтения на научно-популярные темы и доклады на общественно-политические темы. Также был организован политкружок, выпускалась стенгазета и печатная газета, приобретена библиотека-передвижка, представлены четыре постановки, ре-

гулярно проводились концерты, вечера самодеятельности и т. п. [9, л. 74].

К тому времени «шагнула далеко вперед» культурно-просветительская работа в Иркутске. Здесь проходили беседы о национальной политике и сельхозналоге (хотя совершенно непонятно, зачем это нужно было городским инвалидам), регулярно проводились доклады о революционном движении в России, о международном положении, о промышленности и связи города с деревней.

Безусловно, многое в этой области зависело от того, кто руководил инвалидным домом, потому что часто случалось и так, что после ухода того или иного заведующего прекращалась и любая культурная работа. В том же Томске с приходом нового начальника инвалиды говорили: «Красный уголок пустой, нет журналов и газет, и собрания... бывают редко». Пришлось местному самому выпрашивать газеты, журналы, канцелярские приборы, мебель для оборудования клуба [14, л. 105].

Наиболее активные инвалиды были готовы самостоятельно организовывать свой досуг, своими силами они добивались через заведующих установки радиоприемника, организовывали драматические и хоровые кружки и секции по игре в шахматы и шашки. Однако с началом в стране «культурной революции» их самостоятельность была сильно ограничена, и уже в 1928 – 1929 гг. для организаторов досуга в инвалидных домах появляются четкие инструкции: «ставить спектакли два раза в месяц с танцами не более двух часов, с подбором пьес, которые имеют определенную тенденцию», «ликвидация неграмотности поставлена в определенные рамки, занятия ведутся по плану и выработанной программе», «усилить культурно-просветительскую работу среди инвалидов путем вовлечения их в кружки». Культурно-просветительская работа в инвалидных домах проводилась силами студентов и комсомольцев. И теперь, когда все было поставлено в идеологические рамки, определенные государством, в отчетах стали появляться сухие фразы: «культурно-просветительская работа налаживается, ставятся постановки еженедельно, газеты поступают своевременно, кроме газет, выписано в достаточном количестве журналов» [9, л. 70 – 71; 12, л. 17 об; 13, л. 42 об; 15, л. 35].

Наконец, долгое время открытым оставался вопрос о свободе совести и вероисповедания. Чиновники в «безбожном» государстве не хотели признавать тот факт, что в инвалидных домах основной контингент составляли «инвалиды старости», воспитанные в патриархальных традициях, для которых вера являлась частью привычного образа жизни. К тому же для позднего возраста в любом случае характерно повышенное внимание к вопросам религии, но для советских руководителей официальная идеология, отрицающая Бога, была понятней и ближе, нежели знание психологических особенностей пожилого человека. И поэтому члены комиссии по обследованию инвалидных домов г. Иркутска в апреле 1924 г. были сильно возмущены тем, что «некоторые из инвалидов есть народ набожный... верующие во Христа», и что еще хуже, «веруют не как-нибудь, а по настоящему, по-христиански». Под настоящей верой чиновники по-

нимали то, что у стариков в палатах размещались образки «и целые аршинные образа, да еще с неугасимой лампадочкой». Самое интересное, что комиссию угораздило провести обследование на пасхальной неделе, и ее представители негодовали, что верующие «позаботились изыскать средств, и у них появились в палатах и красные (только не революционные) яички и разукрашенные куличи, а может еще что-нибудь запретное», и что «не все Господа забывают» [3, л. 120 об].

Инвалиды действительно не собирались отказываться от своих религиозных учреждений даже под страхом отчисления из заведения и регулярно требовали допустить священника в инвалидный дом.ласти сначала пошли на уступки и даже разрешали местному батюшке появляться в заведении «для исполнения треб», но он должен был находиться в отдельной комнате и в строго определенное время. Правда, старики все равно приводили священников без разрешения заведующего, упирая на то, что «это предусмотрено законом Советской власти и... внутренними правилами посещения» [10, л. 181; 16, л. 129]. Действительно, посещать обитателей инвалидного дома разрешалось любому человеку, но уже очень скоро посещение инвалидов священниками разрешалось только с позволения заведующего.

Параллельно с этим по всем инвалидным домам было разослано «Особое приложение о культурной работе» из Сибирского отдела социального обеспечения, которым предписывалось проводить антирелигиозные доклады «об истинном происхождении религии, о празднике Пасхи», чтение вслух газеты «Безбожник» и т. д. [4, л. 48]. Можно по-всякому относиться к религии, но не учитывать ее психологическое значение невозможно и ситуацию, когда старым, больным, а порой и умирающим людям пытались доказать, что Бога нет и после жизни ничего не будет, кроме как циничной, неэтичной и кощунственной назвать нельзя.

Наступление на религиозную свободу инвалидов и престарелых продолжилось в 1927 – 1928 гг., когда задача бороться с верующими и с посещением заведения священниками была поставлена уже перед правильно подобранными комитетами инвалидов. Местком составлял особые протоколы, в которых указывалось, что «инвалидный дом посетил... священник для выполнения обрядов культа», и «предлагал составить акт... для привлечения его к ответственности». Так было, например, в Томске, где подобный акт ушел к старшему помощнику Прокурора по Томскому округу, и в отношении священника было заведено уголовное дело «за совершение в инвалидном доме священником Оглоблиным обрядов культа» [10, л. 129 – 131].

Подводя итоги, можно сказать следующее. Повседневная жизнь инвалидов и пожилых людей в инвалидных домах являлась прямым отражением государственной идеологии и социальной политики советского государства. Дифференцированный подход органов социального обеспечения и социального страхования к инвалидам разных категорий привел к появлению «двойных стандартов» в обеспечении. Прежде всего, это коснулось питания, которое распре-

делялось неравномерно среди инвалидов, имевших заслуги перед советской властью, и теми, кто ими не обладал. Несправедливый, неравный доступ к социальным услугам способствовал росту конфликтности в инвалидных домах.

В то же время, утверждение пролетарской идеологии существенно ограничило свободу выбора в отношении отдыха и развлечений, социальной активности и удовлетворения культурных запросов. Наиболее ярко это проявилось в запрете на интимные отношения и совершение религиозных обрядов. Культурно-просветительская работа долгое время была фрагментарной, во многом не соответствующей возможностям инвалидов и пожилых людей, а со временем приобрела ярко выраженный политический оттенок.

К сожалению, следует признать, что у органов социального обеспечения на этой стадии не сформировалось профессиональное чувство ответственности за этих людей, для большинства из которых привычным стал такой образ жизни, где их интересы и потребности стоят на последнем месте. А поскольку эффективность реализации государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей во многом определяется тем, насколько ее меры способствуют сохранению или восстановлению их сил, для ее оценки следует обратиться к выделенным автором статьи показателям.

Организация питания, которое получали обитатели инвалидного дома, – один из важнейших факторов оценки эффективности социальной политики, поскольку оказывает существенное влияние на состояние их и так не слишком «сильного» здоровья. Нерешенность вопроса о питании в инвалидных домах Сибири приводила к тому, что из-за недостаточной, неподходящей и неаппетитной пищи многие из призреваемых недоедали, а это могло привести к истощению и ослаблению организма. Количество приемов пищи было ограничено в лучшем случае завтраком и обедом, сама еда не отличалась разнообразием и не соответствовала индивидуальным потребностям и состоянию здоровья. Имеющие потребность в диетическом питании его не получали, а отсутствие разнообразного меню не способствовало восстановлению жизненных сил инвалидов. Таким образом, по этому критерию государственной социальной политики можно было бы назвать ее не эффективной. Однако стоит заметить, что в условиях послевоенной разрухи и финансирования социальной сферы по остаточному принципу органы социального обеспечения и социального страхования приложили максимум усилий для того, чтобы поддержать минимальный уровень обеспеченности нетрудоспособных граждан в «закрытом» учреждении.

Самым успешным показателем эффективности государственной социальной политики следует считать наличие контактов с внешним миром, поскольку возможность общения, участия местного сообщества в жизни инвалидов и стариков практически не ограничивалась.

А вот что касается автономии и самостоятельности инвалидов и пожилых людей, то здесь результаты оказались самыми плачевными. Нетрудоспособным, а значит, с точки зрения государства, ненужным гражданам было отказано в полноценной, комфортабельной, независимой жизни. Их труд уже нельзя было «утилизировать», выжать последние трудовые силы, поэтому им просто предоставили место для того, чтобы они доживали свой век. Распорядок повседневной жизни в инвалидных домах фактически навязывался администрацией учреждения, не обсуждался самими проживающими в нем людьми, а потому слабо удовлетворял их ожидания, предпочтения и возможности. Социальная активность ограничивалась вовлечением инвалидов и стариков в трудовую деятельность, предписанную в рамках «самообслуживания».

Таким образом, уровень повседневной жизни нетрудоспособного населения в инвалидных домах в 20-х гг. XX в. следует признать низким, поскольку инвалиды и престарелые, фактически изолированные от общества, перестали быть создателями своей повседневности, и за них все решали официальные лица из собеса, органов соцстраха, администрации инвалидного дома и послушного ей месткома.

Литература

Литература

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф.р-18. Оп. 3. Д. 63.
2. ГААК. Ф.р-92. Оп. 2. Д. 38.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф.р-558. Оп. 1. Д. 60.
4. ГАИО. Ф.р-558. Оп. 1. Д. 90.
5. ГАИО. Ф.р-558. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.р-241. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКК. Ф.р-270. Оп. 1. Д. 44.
8. ГАКК. Ф.р-271. Оп. 1. Д. 28.
9. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф.р-198. Оп. 1. Д. 8.
10. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 20.
11. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 35.
12. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 59.
13. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 60.
14. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 72.
15. ГАТО. Ф.р-252. Оп. 1. Д. 114.
16. ГАТО. Ф.р-252. Оп. 1. Д. 120.

17. Галискарова, А. С. Исторический опыт деятельности государственных органов России и Кабардино-Балкарии по социальной защите пожилых людей и инвалидов: 1850 – 2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. С. Галискарова. – Пятигорск, 2004. – 194 с.
18. Капустина, О. В. Пенсионное обеспечение инвалидов войны и приравненных к ним лиц, определенное постановлениями ВЦИК и СНК в 30-х годах XX в. / О. В. Капустина // Гражданственность и патриотизм. Всероссийская научно-практическая конференция ЛГОУ им. А. С. Пушкина. – СПб., 2007.
19. Кармазин, А. С. Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921 – 1941 гг.: на материалах Уральского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Кармазин. – Тюмень, 2006.
20. Ковалев, А. С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания / А. С. Ковалев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3.
21. Кошкин, Д. С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20 – 30-е годы XX века: на материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. С. Кошкин. – М., 2001. – 266 с.
22. Крюков, Н. П. Преемственность социальной поддержки населения в России / Н. П. Крюков / под ред. А. Н. Кочетова. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2002. – 344 с.
23. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920 – 1930 годов / Н. Б. Лебина // Нева. – СПб.: Летний Сад, 1999. – 316 с.
24. Некрасов, А. В. Система социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы: на примере Дона, Кубани и Ставрополя: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Некрасов. – Новочеркасск, 2009. – 227 с.
25. Новиков, А. А. Эволюция пенсионной системы России: дис. ... д-ра экон. наук / А. А. Новиков. – М., 2008. – 380 с.
26. Рослякова, О. А. Деятельность органов социального обеспечения Южного Урала по реализации социальной политики правительства с октября 1917 года по май 1941 года: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Рослякова. – Оренбург, 2006. – 190 с.
27. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
28. Хелльбек, Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме / Й. Хелльбек // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4(72). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2-pr.html>
29. Хорохорина, Г. А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941 – 1945 гг.: на материалах РСФСР: дис. ... канд. ист. наук / Г. А. Хорохорина. – М., 2005.

Информация об авторе:

Ковалев Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, докторант кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 8 (391)252-94-20, alexkovaleff@yandex.ru.
Aleksander S. Kovalyov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Pedagogics and Social Work, doctoral student, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.